

ЦИВИЛИЗАЦИИ, КУЛЬТУРЫ, ИНСТИТУТЫ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ (О книге Р. М. Нуреева и Ю. В. Латова)

ДИДЕНКО ДМИТРИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ¹,

*доктор экономических наук, кандидат исторических наук,
старший аналитик, государственная корпорация «Банк развития и
внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)»,
ведущий научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации,
ведущий научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский
социологический центр РАН,
г. Москва,
e-mail: ddidenko@bloomberg.net*

Книга Р. М. Нуреева и Ю. В. Латова оценивается как редкий опыт теоретически осмысленной систематизации свидетельств об историческом развитии национальной экономики с момента формирования российской государственности. Ее содержание стимулирует размышления автора статьи над методологическими проблемами историко-экономических исследований, а также над характеристикой отдельных периодов развития национальной экономики и ее субъектов. Автор разделяет подход к экономической истории как процессу глобальной конкуренции экономических систем, в результате которой происходит отбор эффективных наборов институтов. Кроме того, книга подтверждает эвристическую ценность междисциплинарной модернизационной парадигмы для понимания закономерностей и особенностей развития экономики России. Также обсуждаются сильные и слабые стороны цивилизационного подхода, широко применяемого в общественных науках. Подчеркивается, что типологические особенности России, как страны «догоняющей» модернизации, в условиях сильной институциональной инерции предполагают в ближайшей перспективе приоритет задач догоняющего развития перед собственно инновационным.

Ключевые слова: методология; экономическая историография; национальная экономика; модернизация; цивилизация; институты; власть-собственность; институциональная конкуренция; институциональная инерция; централизованная экономика.

¹ Содержание статьи выражает личное мнение автора и может не совпадать с позицией указанных организаций.

CIVILIZATIONS, CULTURES, INSTITUTIONS IN ECONOMIC HISTORY

(On the Book by R. M. Nureev and Yu. V. Latov)

DMITRY V. DIDENKO²,

*Doctor of Sciences in Economics, Candidate of Historical Sciences
Senior Analyst, State corporation 'Bank for Development
and Foreign Economic Affairs (Vnesheconombank)',
Leading Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
Leading Researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Moscow,
email: ddidenko@bloomberg.net*

The book by R. M. Nureev and Yu. V. Latov is valuable as a rare case of theoretically reflected systematized selection of the available evidence on historical development of the national economy from the emergence of the Russian statehood. Its content stimulates the author of the article to make reflections on methodological issues of economic history research as well as on characteristic features of the selected periods of the national economy development and its subjects. The author shares the approach to economic history as the process of global competition of economic systems that results in selection of efficient set of institutions. Moreover, the book confirms high cognitive value of the modernization multi-disciplinary paradigm for understanding regularities and peculiarities of development of the Russian economy. The author also discusses strong and weak points of civilization approach which is frequently utilized in social sciences. It is stressed that specific features of Russia, which is attributed to "catch-up" type of modernization, under strong "path dependence" in the immediate future it is more important to give priority to the tasks of catching up rather than the tasks of innovation per se.

Keywords: *methodology; economic historiography; national economy; modernization; civilization; institutions; power-property; institutional competition; path dependence; centralized economy.*

JEL: *B25, E02, N01, N10, N13, N14, O10, Y30.*

Место работы в литературе

В последние годы отечественная историко-экономическая наука пополнилась крупными обобщающими работами. Есть многотомные труды, посвященные мировой экономической истории вместе с развитием экономической мысли, которые придерживаются традиционной методологии и формационной периодизации³. Есть аналогичные произведения по отечественной экономической истории, охватывающие период XX в.⁴. Из них сочинение Р. А. Белоусова напоминает если не летопись, то обширную информационную сводку с очень разнообразными сюжетными линиями, в то время как труд Г. И. Ханина является фундаментальной и комплексной работой аналитического и систематизаторского характера.

Отдельным жанром выступает учебная литература, создаваемая как авторскими коллективами⁵, так и отдельными авторами⁶. Первый учебник отличается

² The contents of the article express the author's own views which are not necessarily shared by the institutions of his affiliation.

³ См., напр.: (Контопов, ред., 2008).

⁴ См., напр.: (Белоусов, 1999, 2000, 2002, 2004, 2006; Ханин, 2008, 2010, 2014).

⁵ См., напр.: (Кузнецова и др., 2010).

⁶ См., напр.: (Гловели, 2014; Ковчир, 2016).

приверженностью мир-системному анализу (при сочетании цивилизационного и формационного подходов) и покрывает всемирную экономическую историю с определенным акцентом на России. В нем в качестве вспомогательного также применяется институциональный подход. Второй учебник полностью концентрируется на российской истории.

Из зарубежной русистики в первую очередь следует отметить наиболее широкий по тематическому охвату и хронологии коллективный труд «Кембриджская история России» (*Perrie, ed., 2006; Lieven, ed., 2006; Suny, ed., 2006*). В нем значительное место уделено экономической проблематике. Эта работа в наибольшей степени отражает современный уровень знаний, но, будучи написанной разными авторами (преимущественно историками, среди которых встречаются и работавшие в России), носит несколько калейдоскопический характер и даже в рамках рассмотрения вопросов экономического развития не придерживается общей методологической линии.

Среди наиболее известных учебников по экономической истории России, написанных зарубежными авторами-советологами, следует отметить выдержавшие несколько изданий книги А. Ноува, П. Грегори и Р. Сьюарта (*Nove, 1992; Gregory and Stuart, 2001*). Первая покрывала только советский период, в то время как во второй определенное внимание было уделено экономическому развитию поздней Российской империи и переходу независимых государств, возникших в результате распада СССР, от плановой к рыночной экономике. В фундаментальном исследовании Н. Спалбера подробнее рассмотрено развитие российской экономики во 2-й половине XIX в. и также делается акцент на институциональной преемственности 3 исторических этапов (*Spulber, 2003*). В целом можно сказать, что зарубежная русистика характеризуется небольшим количеством обобщающих авторских трудов по российской экономической истории, и ни один из известных нам не покрывает хронологический период глубже последних 200 лет.

На этом фоне рецензируемое издание (*Нуреев и Латов, 2017*) занимает промежуточное положение и в то же время стоит особняком. Оно в большей степени сконцентрировано на анализе экономического развития России, но при этом не теряет компаративистского угла зрения. Авторы успешно выполнили стоявшую перед ними нелегкую задачу – систематизировать хронологически масштабный материал (глубиной около 1000 лет) в компактном учебном издании, не пожертвовав при этом научным характером его содержания.

Работа позиционируется как учебное пособие. В таком случае законы жанра задают приоритет задач отбора, обобщения известного материала и его адаптации к потребностям обучающейся аудитории. В этом плане сильная методическая сторона проявляется в наличии большого числа таблиц и блок-схем⁷. Особенно удачным следует признать стиль изложения, содержащий множество ярких метафор, употребленных к месту поговорок и афоризмов, элементов иронии и доброго юмора, примеров и отсылок к художественной литературе. Это делает книгу живой и запоминающейся, несмотря на потенциальную сложность ее содержания для студентов вузов. Их восприятие материала еще могло бы улучшить наличие кратких резюме с выводами в конце отдельных глав⁸.

Наличие дополнительных материалов в электронном приложении⁹ отвечает современным стандартам подачи учебной информации. Очень важно, что даны ссылки на электронные ресурсы, хотя многие из них, к сожалению, устарели и напоминают о потребности в обновлении. Вопросы, приводимые в конце книги, как и в электронном

⁷ При том, что научные критерии приводимых классификаций могут быть спорными, как, например, в соотношении и взаимодействии предметных областей экономической теории, исторической и статистической наук (*Нуреев и Латов, 2017, с. 13–14*).

⁸ В данном издании их заменяет помещенная в конец книги и разбитая на главы расширенная аннотация на английском языке (Abstract). Его назначение логично в научном издании, но не совсем понятно в учебном, с учетом того, что курс ориентирован на преподавание на русском языке.

⁹ «Методические указания для преподавателя», «Учебно-методические рекомендации для студентов», «Тесты, задачи и практические задания» приведены в электронном приложении к рецензируемой книге: www.book.ru.

приложении к ней («Тесты, задачи и практические задания»), релевантны содержанию материала, с высоким качеством формулировок.

Но на наш взгляд, это вряд ли учебная литература в традиционном понимании, где проводится систематизация имеющихся знаний в попытке дать объемный взгляд на исторические процессы и отразить их более или менее консенсусное понимание (по крайней мере, для нескольких научных направлений). Здесь присутствует единый тезис-гипотеза и авторы обосновывают его на протяжении основной части работы. Материал различных частей книги объединен общей проблематикой: конкуренция экономических институтов с основной оппозицией понятий «власть-собственность» и «частная собственность». Авторы обращают внимание на противоречия и трудности институционального развития России, диалектически рассматривая конкуренцию институтов как источник такого развития. Поэтому по содержанию данная книга все-таки ближе к научному изданию: в ней содержится новая информация, в том числе представлено оригинальное теоретическое осмысление известного эмпирического материала, при том, что значительное место занимает и систематизация имеющихся знаний.

Таким образом, это скорее научно-популярное издание со всеми признаками академического подхода, отличающееся адаптированным изложением. Его основной читатель, как нам представляется – это аспирант или студент магистратуры, то есть в некоторой степени сформировавшийся экономист, которому интересен диалог с коллегами, обладающими более широкими историческими познаниями.

Авторы отошли от традиционного для учебников и обобщающих изданий хронологически-тематического принципа и, похоже, данная книга не претендует на охват материала вширь. Логарифмическая шкала хронологии в принципе оправдана: в крупных исторических трудах практически всегда периодам, близким к современности, отводится больше места.

В качестве отличительной особенности книги хотелось бы отметить то, что авторы не ограничиваются интерпретацией ретроспективы, но также пытаются дать свои ответы на вопрос «что день грядущий нам готовит?». «Через прошлое понять будущее» – эта мысль часто повторяется в качестве легитимации любого исторического знания, но, к удивлению, мы очень редко встречаем такие ответы в трудах по экономической истории¹⁰. Им посвящена отдельная глава, занимающая почти пятую часть всего текста. Наводя мосты между прошлым, настоящим и будущим, авторы книги демонстрируют преодоление традиционных идеологизированных подходов, свободу от соответствующих оценочных суждений и прекрасно отдают себе отчет в относительности предсказательной силы любых обращенных в будущее заявлений, оценивая их лишь как «представления» об институциональных перспективах развития России на ближайшие десятилетия (*Нуреев и Латов, 2017, с. 200*). В отличие от часто применяемого практиками обращения к истории как набору отдельных примеров, здесь мы получаем теоретическое, в том числе историософское осмысление прошлого опыта. При этом авторы отходят от осовремененных прямолинейных оценок, характерных для ряда популярных в настоящее время работ по институциональной экономической истории (*Аджемоглу и Робинсон, 2015*).

Разделяемый авторами рецензируемой книги и настоящих строк институциональный подход к экономической истории предполагает изучение соответствующих явлений во взаимосвязи с процессами социальной и политической истории, а также их отражением в истории экономической мысли. При этом экономическая деятельность рассматривается как часть исторически определенной общественной системы, характеризуемой также социальными, культурными, политическими параметрами и критериями.

¹⁰ Это встречается в (*Белюсов, 2006, Т. 5, с. 446–450*), но лишь объемом в несколько страниц с преобладанием стандартного набора императивов.

Именно поэтому другая категория читателей, которые также с интересом прочтут рецензируемую работу – профессиональные историки в экономической, социальной, политической сферах, склонные к междисциплинарному диалогу с представителями смежных отраслей науки. Как историческое произведение, написанное профессиональными экономистами, книга может вызвать неодобрение со стороны ряда узкоспециализированных историков. В частности, она полностью основана на использовании исследовательской литературы (что характерно для учебных изданий) и в ней почти не используются первичные источники (что присуще профессиональным историческим исследованиям). Но поскольку мы имеем дело с учебным пособием, все же стоит отметить, что в нем авторский взгляд отделен от идей других авторов. На фоне того, что далеко не все создатели учебных изданий утруждаются приводить хотя бы сокращенные сведения об источниках заимствования той или иной информации, их наличие является одним из достоинств книги и как учебного, и как научного (и в то же время популярного) труда.

Выборка литературы заслуживает отдельного внимания. Судя по примечаниям, ее использовано заметно больше, чем указано в приведенном в конце книги списке – это можно оценивать и как достоинство, и как недостаток издания. Следует отметить представительность выборки и по российской, и особенно по зарубежной литературе. Приведены классические труды специализировавшихся на изучении России экономических историков – как отечественных (И. Д. Ковальченко, П. И. Ляценок, П. А. Хромов), так и зарубежных (А. Ноув, Н. Ясный). Кроме того, анализируются знаковые исследования последних двух-трех десятилетий (Р. Аллен, Л. И. Бородин, П. Грегори, Б. Н. Миронов, Э. Мэддисон, С. А. Нефедов, Г. И. Ханин, М. Харрисон, М. Эллман)¹¹. На наш взгляд, для усиления эмпирической фактуры курса и учебно-методической стороны работы читателям стоило бы также порекомендовать представительное и не столь давнее издание энциклопедического характера (*Петров, 2009*). Ценным в рецензируемом сочинении видится то, что в нем представлено много теоретических работ, в том числе российских философов, прежде всего историософской направленности (в частности, Н. А. Бердяева, А. С. Ахиезера). На этом фоне обращает на себя внимание отсутствие трудов историков «государственной школы» (прежде всего – С. М. Соловьёва), которые впервые высказали многие идеи и наблюдения, теоретически ревитализируемые в книге (государство формирует общество, закрепощение и раскрепощение сословий и т. п.). Впоследствии эти идеи восприняли и специализирующиеся на изучении России зарубежные историки, в том числе цитируемые в работе¹². Заслуживает положительной оценки и то, что работы К. Маркса, В. И. Ленина рассматриваются (критически) как значимые этапы экономической и социально-политической мысли. Более того, первый автор, Р. М. Нуреев, позиционируется как один из последователей марксизма (*Нуреев и Латов, 2017, с. 8*), полемизируя по многим вопросам с В. И. Лениным как исследователем российского капитализма (*Нуреев и Латов, 2017, с. 88–90*).

Хотя авторы не относят себя к клиометристам, книга содержит заметный объем количественной информации. В методологическом плане хотелось бы пожелать им более критического подхода к ее отбору и интерпретации. В отношении тех данных, что приводятся, не всегда понятны критерии отбора их источников. Это не является недостатком с точки зрения учебного издания, но в научном издании – было бы логичным (а в учебном – возможным) отметить, что многие количественные оценки дискуссионны, но есть такой-то широкий диапазон и/или более узкий (консенсусный).

¹¹ В отношении последних лет был бы желателен более репрезентативный выбор конкретных трудов. Напр., среди сочинений Г. И. Ханина его 3-х томное издание по экономической истории России (*Ханин, 2008, 2010, 2014*) представляется наиболее релевантным содержанию рецензируемого издания; учебник Ю. Хаями по экономике развития в последнем издании (*Hayami and Godo, 2005*) был значительно переработан и дополнен его соавтором Ё. Годо, особенно в части роли человеческого капитала.

¹² См., напр.: (*Па́йнс, 1993*).

О соотношении экономической истории, теории и историософии

Историю можно писать разными способами, даже не выходя за рамки научного подхода и оставляя в стороне собственные ценностные и идеологические установки. Двумя основными способами описания являются историческая фактография и концептуалистика. Наиболее значимой для фактографа представляется эмпирическая микроистория, без которой не в состоянии обойтись концептуалист, чье внимание концентрируется на систематизации и интерпретации этого материала в обобщающих теоретических категориях, включаемых в определенную объясняющую модель макроистории. Но фактографический подход на столь широком хронологическом интервале рискует выродиться в своего рода летопись, где лишь подбор фактов будет отчасти отражать авторскую субъектность. В этой связи несколько не удивительно, что авторы предпочли дать не традиционную фактографию в виде малой энциклопедии, а собственную *интерпретацию* развития российской национальной экономики.

В рецензируемой книге, как обобщающем учебном издании, рассмотрен широкий круг исторических явлений, процессов, событий, эпизодов. Многие из написанного может быть подвергнуто критике специалистами по отдельным темам, периодам и предметным областям, многие фактические сведения могут быть не подтверждены или оспорены, но ее особая ценность – в сочетании историософских мотивов в осмыслении проблематики институционального развития России с экономическим дискурсом. И именно поэтому авторы часто обращаются к соответствующей литературе, написанной философами (*Бердяев, 1990, Ахиезер, Клямкин и Яковенко, 2013*). При этом прямо заявляют, что разрабатываемый ими учебный курс «ориентирован не на эмпирическую, а на теоретическую сторону экономической истории и призван систематизировать не столько сами экономические факты, сколько подходы и методы их интерпретации» (*Нуреев и Латов, 2017, Приложение 1, с. 7*). Следует отметить, что теоретическая основа их произведения имеет во многом междисциплинарный характер. И авторами представлен плодотворный пример применения как общих подходов общественных/гуманитарных наук к собственно экономической сфере, так и моделей институциональной экономической теории к объяснению социально-политических процессов¹³.

Для профессиональных историков содержание книги должно быть ценно тем, что к дискуссии о содержании и особенностях российского исторического процесса подключились профессиональные экономисты, обладающие масштабным кругозором, далеко выходящим за пределы собственно экономической проблематики, сильным теоретическим мышлением и философской культурой. Это как раз то, чего не хватает отечественной экономической историографии. И речь идет не о поиске какой-то единой наконец-то «истинной» и «правильной» теории. Авторы эксплицитно проговаривают как сильные стороны, так и ограничения отдельных теоретических подходов, предлагают их определенную конфигурацию, и содержание книги не страдает «экономическим империализмом».

Столь сильно проявленная авторская субъектность побуждает еще раз отразиться на таких базовых категориях и проблемах процесса исторического познания, как соотношение объективного и субъективного, значение внеисточникового (в том числе экспертного) знания; наконец, соотношение экономической истории и теории. Вряд ли будет ошибкой утверждать, что для теоретика-экономиста скорее характерен приоритет синтетического и индуктивного методов для получения обобщающего знания, в то время как для историка – аналитического и дедуктивного методов для получения индивидуализирующего знания. Но в каких аспектах необходимо и возможно их взаимодействие?

¹³ Одним из таких интересных примеров является интерпретация фактических свидетельств о формировании государства восточных славян в категориях М. Олсона (*Нуреев и Латов, 2017, с. 46–48*).

Соответствующие методологические поиски активизировались около 30 лет назад с утратой единого теоретико-методологического ориентира, которым служила советская версия марксизма. Авторы справедливо пишут, что «многие историки стали стремиться вообще обходиться без макротеорий. В результате экономическая история рискует выродиться в мозаику частных исследований, распасться как целостное научное направление» (Нуреев и Латов, 2017, Приложение 1, с. 3). В отечественной литературе также отмечается, что при отсутствии универсальной теории экономического развития многие работы по экономической истории страдают описательностью и не поднимаются до широких обобщений (Бокарёв, 2007, с. 41). Скептическое и подчас пренебрежительное отношение многих историков-эмпириков к объясняющей макротеории (в данном случае экономической) не является большим недостатком при исследовании частных проблем и реконструкции событийного ряда, то есть объективной стороны деятельности отдельных личностей и микрогрупп. Но такое отношение становится серьезным недостатком при написании обобщающих научных трудов и учебных изданий. А ведь последние по определению призваны покрывать значительные пространственно-временные области и сферы.

Причем, если вряд ли кто-то из ученых имеет сомнения в отношении необходимости эмпирического материала для верификации теории, то в отношении того, какую роль призвана играть теория для эмпирического исследования, консенсусное мнение отсутствует. На наш взгляд, приблизиться к нему может понимание необходимости специфического языка описания исторических процессов. При этом следует согласиться с тем, что «в настоящее время экономическая история не может в полной мере отталкиваться от базовых понятий экономической науки, зачастую даже тех, что вошли в экономический язык из исторической практики хозяйствования» (Бокарёв, 2007, с. 46).

Другая трудность состоит в том, что та или иная теория конструирует и использует определенную систему понятий и категорий, которая имеет как общее, так и различное наполнение у приверженцев разных теорий. Возникает вопрос: насколько здесь возможен диалог представителей различных направлений, оперирующих эпистемологически трудно совместимым инструментарием? Далее, о чем также пишут авторы рецензируемого произведения, теория определяет отбор значимых исторических фактов из их бесчисленного множества. Например, когда автор этих строк около 30 лет назад, будучи знаком с работой за компьютерной клавиатурой, поступал на исторический факультет, ему вряд ли был бы интересен факт, в 1985 г. описанный и отчасти проинтерпретированный П. Дэвидом (Дэвид, 2006): латинская раскладка изначально имела отличия от современной, и некоторые ее варианты были более функциональными. По-иному этот факт оценивается им сейчас, будучи встроенным в теоретический концепт «институциональной инерции» (path dependence), объясняющий феномены устойчивого воспроизводства неоптимальных стандартов, правил и практик.

Еще менее консенсусной, но важной функцией теории является концептуальная интерпретация исторических процессов и построение выводов на основе объяснения отдельных фактов. Это предполагает (но не обязывает) прогнозирование определенных вариантов развития указанных процессов. Тем не менее, объясняющая способность теорий различается в зависимости от широты круга явлений и периодов, от набора исходных предположений, каждое из которых имеет свои ограничения. Так, демографически-структурная теория (неомальтузианство), с тем или иным успехом примененная С. А. Нефедовым в отношении фактического материала докапиталистической России (Нефедов, 2010), уже проблематична в объяснении ключевых явлений конца XIX – начала XX вв. (Мионов, 2012, с. 579–580), а в объяснении процессов советского периода едва ли подходит даже для начального этапа.

Большое место занимает вопрос об альтернативности исторического развития, соотношении случайности и закономерности. Это очень важный вопрос для

отечественной историографии последних трех десятилетий. Авторы не только решают его принципиально положительно, но и используют концептуальный аппарат синергетики, который позволяет показать переломные точки (бифуркации), в которых возможность и пространство выбора максимально широкие, и устойчивые стационарные состояния с преобладанием «эффекта колеи»¹⁴. По ходу представления материала читатель обнаруживает множество потенциальных альтернатив и анализ факторов, лежавших в основе того, что исторической реальностью стал определенный сценарий. Продемонстрированный в книге подход к анализу альтернативных ситуаций социально-экономического развития представляется удачным примером междисциплинарного исторического анализа.

Модернизации, цивилизации, институты

Авторский взгляд на экономическую историю России определен модернизационной парадигмой, которая синтезирует формационный и цивилизационный подходы. Модернизация в данном случае понимается нами как системная общественная трансформация в национальном и глобальном масштабах, представляющая собой исторически длительный процесс перехода от аграрного к индустриальному обществу (несколько столетий), происходивший первоначально в экономически развитых странах, содержание которого раскрыто в систематизирующих работах ряда зарубежных историков и экономистов (*Дидерикс, Линдبلاد, Ноордам и др., 1998; Hayami and Godo, 2005, p. 9–31, 349–361*).

Критики классической линейной версии теории модернизации 1950–1960-х гг. обращали внимание на то, что синонимом этого термина выступала «вестернизация». При таком подходе акцент делался на императивный характер заимствований без изучения механизмов их адаптации к особенностям обществ-реципиентов. К настоящему времени модернизационная парадигма интегрировала в себя широкий набор теорий и концепций. На этой основе в 1970–2000-е гг. в зарубежной литературе сложилось направление, обобщенно характеризуемое как «экономика развития» (*development economics*). Его основным проблемным полем является изучение специфических и динамических явлений, связанных с переходом развивающихся стран от аграрной к индустриальной экономике, а в последние два десятилетия – также с переходом постсоциалистических стран к рыночной экономике.

Если в классической версии теории модернизации 1950–1960-х гг. отдавалось предпочтение формационному подходу (эпистемологически близкому к марксизму), то ее последующая критика также способствовала смещению приоритетов в сторону повышенного внимания к национальным особенностям развития переходных обществ.

Еще С. Блэк делал акцент на особенностях «западных» заимствований в таких странах неклассической (догоняющей) модернизации, как Япония и СССР (*Black, ed., 1975*). Особенности модернизации России, как страны «второго эшелона», типологизированы в цитируемых авторами рецензируемой книги работах (*Гершенкрон, 2015; Пантин, Плимак и Хорос, 1986, с. 31–56*). В последние годы были опубликованы значительные и интересные исторические исследования, посвященные тому, как «западные» институты заимствовались и адаптировались в России (*Алексеева, 2007; Миронов, 2003*). Правда, эти исследования ограничивались одним, хотя и принципиально важным, периодом имперской модернизации.

Отдельным дискуссионным вопросом является то, насколько можно характеризовать как «модернизацию» процессы советской индустриализации 1930 – начала 1950-х гг. Авторы неоднократно напоминают, что в указанный период происходила регенерация

¹⁴ Методологические проблемы применения методов и концепций синергетики, описывающих универсальные закономерности эволюции сложных динамических систем, обсуждаются в (*Бородкин, 2003*).

базового института власти-собственности, а также многих связанных с ним архаичных социальных, политических и экономических институтов.

В отношении периода развития советской экономики в 1930–1950-е гг. в рецензируемом произведении говорится как об «альтернативной» по институциональному обеспечению модернизации (Нуреев и Латов, 2017, с. 122, 131–132), так и о «контрмодернизации» (Нуреев и Латов, 2017, с. 27, 266; Приложение 1, с. 25; Приложение 1, с. 15), выразившейся в целенаправленном уничтожении рыночных институтов, вытесненных в сферу теневой экономики (Нуреев и Латов, 2017, Приложение 1, с. 25). В этом вопросе позиция авторов не до конца ясная. В более ранней монографии (Нуреев и Латов, 2010, с. 3, 217) совокупность данных процессов обобщенно характеризуется как «контрмодернизация», в то время как в более близкой по времени статье (Нуреев и Латов, 2014) этот термин не употребляется, но преобладает термин «модернизация». Заметим, что в качестве варианта выхода из этого понятийного тупика советская модернизация была охарактеризована А. Г. Вишневым парадоксальным, но в то же время очень емким термином «консервативная» (Вишневский, 2010).

В сегодняшнем понимании модернизация – это многоаспектный и нелинейный процесс национального развития, в результате которого сокращается отставание от стран-лидеров в наиболее исторически важных сферах. При этом часто развитие в одних направлениях происходит за счет регресса и деградации в других. Для советской экономики 1920–1950-х гг. – это опережающий рост тяжелой и военной промышленности за счет сельского хозяйства, которое по многим удельным натуральным показателям на рубеже 1950–1960-х гг. только достигало дореволюционного уровня. Но при этом по важнейшим показателям, в том числе интеллектуальной емкости экономики, человеческого развития, также происходило сокращение отставания СССР от экономически развитых стран.

Вопрос о том, насколько совокупность изменений можно определить как «модернизацию» или «контрмодернизацию» возникает и применительно к постсоветскому периоду. Как справедливо отмечают авторы, в период 1990-х гг. наблюдалась эрозия и эволюция институтов власти-собственности в направлении частной собственности. Что является собой проявление основной тенденции к модернизации социально-экономических институтов. Тем не менее, следует согласиться, что «точка невозврата» не была пройдена, а институты власти-собственности во многом модифицировались, в то время как формирование рыночных институтов не завершено и по настоящее время. Также авторы отмечают рецидивирующее расширение института власти-собственности в последнее время, что демонстрирует наличие сильной институциональной инерции в российском социально-экономическом развитии (Нуреев и Латов, 2017, с. 187–190, 198).

В отношении периода 1990-х гг. трудно не найти многочисленных признаков демодернизации и архаизации институтов индустриального общества, разрушившихся вместе с социалистической системой. Таким образом, российская реальность 1990-х гг. в очередной раз опровергла линейные теоретические представления о характере модернизации: процессы системной трансформации сопровождались высокими экономическими и социальными издержками, относительно успешные результаты имплантации «современных» технологий и институтов в одних направлениях сопровождались деструктивными процессами и нарастанием проявлений архаизации в других (Диденко, 2011, с. 164).

Цивилизационный подход к изучению российских экономических институтов ранее был реализован в монографии А. Г. Фомотова, где основной выступала оппозиция «мобилизационного» и «инновационного» типов развития (Фомотов, 2010). Обращая внимание на исторические цивилизационные различия (первый по значимости – церковно-религиозный фактор), он склонялся к тому, что в настоящее время они редуцируются в рамках развития общемировой цивилизации, ориентированной на инновационность.

В рецензируемой книге российская цивилизация рассматривается как самостоятельная и отдельная прежде всего от западноевропейской, и такой подход заявлен «наиболее плодотворным» (Нуреев и Латов, 2017, с. 253). На наш взгляд, эта позиция дискуссионна.

Важным аргументом, подкрепляющим идею о культурно-исторической самостоятельности социума с русским этническим ядром, который в разное время имел различные государственные образования, следует признать то обстоятельство, что аналогичную позицию разделяли ученые, являющиеся основоположниками цивилизационного подхода и представителями «западной» цивилизации (Тойнби, 1991, с. 42–44; Хантингтон, 2003, с. 56)¹⁵. В то же время они, как и русский философ второй половины XIX в. Н. Я. Данилевский (Данилевский, 1991), признавали наличие родственных связей данной цивилизации (или культурно-исторического типа) с «западным» миром, которые едва ли просматривались в отношении «восточных» цивилизаций.

Ключевым критерием у них выступала религия (Тойнби, 1991, с. 77, 515–529), у Н. Я. Данилевского значительную роль также играла этническая близость («славянство») и геополитический фактор напряженных межгосударственных отношений с западноевропейскими странами, у А. Тойнби – коллективность исторических социальных действий («ответов на вызовы»). У С. Хантингтона (Хантингтон, 2003) культурологический подход (преимущественно на основе индивидуальной самоидентификации) скорее был подчинен геополитическому. Тем не менее, четких верифицируемых критериев указанные авторы не приводили. В то же время из совокупности соответствующих работ следует, что цивилизации являются системами более высокого уровня по сравнению с нациями, культурами и государствами, следовательно, как правило, склонны включать в себя таких несколько составляющих. Похоже, что в современную «расколовшуюся российскую цивилизацию» авторы склонны включать, помимо России, также Украину и Беларусь¹⁶ (Нуреев и Латов, 2017, с. 27). Однако эти страны скорее служат компаративным контекстом для институционального анализа экономики России. Поэтому понятие «цивилизация» (в отличие от «культура», «социум») вряд ли многое добавляет для исследования особенностей такого феномена, как «национальная экономика» (хронологически в разных территориальных границах), о которой фактически идет речь в рецензируемом произведении.

Здесь неизбежно возникают следующие вопросы: а можно ли говорить о цивилизациях иберийской (от которой отпочковалось такое своеобразное и мощное ответвление, как Латинская Америка), франкофонской, германской, англо-саксонской?¹⁷ Составляют ли единую «дальневосточную» (или «буддийскую») цивилизацию Китай и Япония (многое заимствовавшая у первого). И является ли этнически гетерогенный Китай цивилизационно единой страной? Как и Северная Америка (США), которая в XIX в. слабо идентифицировала себя с Европой и скорее представляла собой один из «отпрысков» европейской цивилизации, аналогично Латинской Америке и России (Хантингтон, 2003, с. 58). Аналогично, можно ли определить Россию как единую цивилизационную общность при столь высокой степени гетерогенности (Нуреев и Латов, 2017, с. 26), в

¹⁵ Среди современных цивилизаций А. Тойнби выделял западную, православно-христианскую, иранскую, арабскую, индуистскую, китайскую, дальневосточную (Тойнби, 1991, с. 77–79, 92, 518), С. Хантингтон – синскую (китайскую), японскую, индуистскую, исламскую, православную, западную, латиноамериканскую и (в качестве потенциальной) африканскую (Хантингтон, 2003, с. 54–60).

¹⁶ С территорией этих стран связано первое крупное восточнославянское государственное образование – Киевская Русь; их население исповедует преимущественно православное христианство. Тем не менее, остается вопрос относительно принадлежности к единой цивилизации (которую, как правило, называют евразийской) других постсоветских стран, имеющих в большей или меньшей степени общее институциональное наследие; прежде всего Казахстана, где также проживает значительное этнически русское население.

¹⁷ Существует обширный корпус научной литературы, противопоставляющей англосаксонские и иберо-латиноамериканские институты с точки зрения содействия экономическому росту (Аджемоглу, Робинсон, 2015, с. 12–31, 95–96; Мэддисон, 2007, с. 147–168), о чем также вполне осведомлены авторы рецензируемой книги (Нуреев, Латов, 2017, с. 20).

которой сочетаются наследия и актуализации как православно-христианской, так и исламской, буддийской и других культур?

Некоторые историки склонны рассматривать российский тип развития в рамках европейской цивилизации, но как имеющий национальные особенности, обусловленные различиями в христианской религии, географической среде, в политических и культурных условиях¹⁸. Вряд ли данная позиция является преобладающей. В отсутствие более или менее консенсусных критериев принадлежности к той или иной цивилизации (или субцивилизации), вряд ли возможно дать четкие ответы на поставленные вопросы. Но можно предположить, что в настоящее время Российская Федерация, Северная Америка, Западная/Центральная Европа и Латинская Америка¹⁹ в отношении экономической ментальности, культуры и институтов имеют между собой больше общего, чем со странами Южной/Восточной Азии и Африки.

Примечательно, что авторы рецензируемого произведения обратили внимание на ряд свидетельств, которые противоречат их общей посылке, а именно – на результаты эмпирических компаративных исследований характеристик экономической ментальности жителей России (*Нуреев и Латов, 2017, с. 163*). Соответствующие измерения по методике Г. Хофстеда показали, что Россия находится ближе к Западной Европе, чем страны Латинской Америки, которые, как и ряд периферийных стран Европы (Португалия, Греция), находятся рядом с исламскими и буддистскими (*Латова и Латов, 2010, с. 164*). Разумеется, результаты этих измерений не являются достаточными для далеко идущих выводов, но они ставят под сомнение актуальность выделения отдельной российской цивилизации, по крайней мере, наводя на мысль о возможной конвергенции экономической ментальности в последнее время.

Сильная сторона цивилизационного подхода состоит в том, что он подчеркивает связь близких обществ, проходивших различные стадии и периоды развития, его специфичность и непрерывность. В отношении российского общества идея исторического континуитета московского, имперского и советского периодов разделяется очень разными учеными и мыслителями, прочно укоренившись как в отечественной, так и в зарубежной историографии²⁰. Разделяется она и авторами рецензируемого произведения, и автором настоящих строк.

Цивилизационный подход, как и концепция path dependence, может выступать элементом более широкой теоретической конструкции (например, development economics в рамках модернизационной парадигмы). Взаимодействие цивилизаций, о котором писали и А. Тойнби, и авторы рецензируемого произведения, не отменяет вопроса о внутренних факторах изменений и наличии соответствующих социальных субъектов. По нашему мнению, модернизационная парадигма дает более адекватные ответы на вопросы: почему, в каком направлении и насколько возможны в конкретном обществе институциональные и культурные изменения. Так, взаимосвязанность процессов развития в советской экономике, политике, социальной структуре, культуре общества, несмотря на их нелинейный характер и инверсионную стадийную последовательность, определила начавшуюся в конце 1980-х гг. системную социально-экономическую трансформацию. Произошедшие в ходе нее изменения в большей степени соответствовали прогнозам, сделанным ранее сторонниками модернизационной парадигмы²¹, чем, например, профессиональными историками, акцентировавшими внимание на факторах институциональной инерции, континуитете институтов

¹⁸ См., напр.: (*Миронов, 2003, Т. 2, с. 303*).

¹⁹ В отношении Латинской Америки С. Хантингтон колебался, следует ли рассматривать ее как субцивилизацию внутри «западной» цивилизации, либо как отдельную цивилизацию (*Хантингтон, 2003, с. 57*), а А. Тойнби крайне редко упоминал постколониальную Латинскую Америку, вероятно, рассматривая ее как часть «западного общества» (*Тойнби, 1991, с. 43*).

²⁰ В том числе (*Бердяев, 1990; Тойнби, 1991; Пайнс, 1993*).

²¹ См., напр.: (*Kuznets, 1966, p. 508*).

советского периода и «старого режима» и не видевших внутренних факторов их изменений в «западном» направлении²².

Особенности России в большей степени могут быть отнесены к ее типологической принадлежности к странам с преобладанием признаков догоняющей (а не инновационной) модели модернизации²³. Это повышенная роль государства в выборе и создании институтов, а также непосредственно в накоплении капиталов; сжатость сроков накопления и физического, и человеческого капитала; неравномерность развития экономических, социальных политических институтов и часто инверсионная стадия последовательности их формирования. В советский период данная особенность проявлялась в гипертрофированной форме централизованного управления экономикой. С другой стороны, страновые особенности России связаны с ее сильными межрегиональными различиями, что также характерно для многих крупных и разнотипных стран мира (США, Китай).

Поскольку модернизационная парадигма относится к междисциплинарным (оформившимся в результате развития соответствующих «большим» теорий), экономическая проекция которых представляет собой их важный, но отдельный аспект, совершенно логично повышенное внимание ее сторонников социальным факторам развития, к анализу институциональной среды. Институциональный подход в последние десятилетия набирает популярность при объяснении явлений и проблем как современной экономики, так и экономической истории. Действительно, по сравнению с неоклассикой «институциональный анализ более объективно оценивает реальность. Он исходит из того, что современное общество отнюдь не венец совершенства: люди, как правило, иррациональны, а экономика далека от состояния равновесия» (Нуреев, 2015, с. 13).

С этой точки зрения важно разделение понятий «институты» (правила и нормы взаимодействия в обществе) и «культура» (консенсусные или доминирующие ценности общества)²⁴, о чем напоминает приводимая в книге схема (Нуреев и Латов, 2017, с. 69). Действительно, культурные традиции очень консервативны, но институты могут меняться быстрее, хотя институциональная инерция также заслуживает внимания. Можно сказать, что конкуренция институтов выступает движущим фактором модернизации. Также эвристически ценно для анализа исторических процессов применяемое авторами понятие «институциональная ловушка», которое позволяет оценивать эффективность конкретных институтов на разных временных горизонтах, в том числе с различной глубиной исторической ретроспективы.

Базовым для характеристики средневекового, имперского, советского и постсоветского периодов отечественной экономической истории выступает концепт «власть-собственность». Данный институт как базовый характерен для «азиатского способа производства» и заключается в нерасчлененном единстве функций политической и экономической власти (Нуреев и Латов, 2017, с. 28–30; Нуреев, 2009, с. 58–107, 130–169). «Власть-собственность» неразрывно связана с редиистрибутивным типом экономики, также характерным для цивилизаций, относимых к «восточному» типу. И в этом отношении авторы убедительно показывают, что российские экономические институты испытали более продолжительное и сильное восточное (азиатское), чем западноевропейское влияние. Следует заметить, что социально-экономические и политические системы большинства стран Латинской Америки также отличаются доминированием во многом характерных для России институтов власти-собственности и редиистрибутивной экономики²⁵.

²² См., напр., концепцию характерного для России «вотчинного государства» Р. Пайпса: (Па́йпс, 1993).

²³ Среди наиболее представительных стран данного типа – Япония, Китай, отчасти Бразилия.

²⁴ См., напр.: (Hayami and Godo, 2005, p. 9–11).

²⁵ С доминированием институциональных «X-матриц» в противоположность «Y-матрицам», характерным для большинства стран Европы, Северной Америки, Австралии и Новой Зеландии в терминологии С. Г. Кирдиной (Кирдина, 2014, с. 72, 294).

Для экономического историка и социолога очень важен ответ на вопрос: а насколько возможно измерять институты, соотнося их со средой функционирования? Именно здесь сходятся институциональный подход и клиометрика, которые изначально являлись двумя разными направлениями «новой экономической истории», но к настоящему времени между ними появились значительные сферы взаимодействия. Авторы предлагают на примерах постсоветской России ряд количественных показателей качества институциональной среды²⁶. В то же время следует признать, что даже в отношении советского периода, не говоря о более отдаленных временах, соответствующие количественные оценки институциональной среды довольно скудные.

Для заполнения данных пробелов, на наш взгляд, заслуживают внимания подходы экономических историков, которые для измерения качества институтов выбирали апроксимирующие показатели. Например, уровень процентных ставок²⁷, дифференциации оплаты квалифицированного и неквалифицированного труда (*Van Zanden, 2009, p. 19–31, 175–176, 222–223, 291–294*), уровень смертности поселенцев (*Acemoglu and Robinson, 2005, p. 952, 959–961; Baten, ed., 2016, p. 311*). Показатель смертности (как и близкий ему продолжительности жизни) действительно коррелирует с показателями институционального развития и поэтому может рассматриваться как косвенно характеризующий качество институциональной среды. Это подтверждает пример современной Российской Федерации, занимающей довольно низкие места в мире и по показателям уровня развития институтов²⁸, и по ожидаемой продолжительности жизни населения (и в то же время средние по уровню доходов и высокие по продолжительности формального образования и другим натуральным показателям человеческого капитала).

Отдельные интересные эпизоды и проблемы

По тексту работы может быть высказан ряд замечаний, носящих частный характер.

Употребленная уже в отношении Киевской Руси характеристика «периферия Европы» (*Нуреев и Латов, 2017, с. 46*) ставится под сомнение приводимыми в той же книге свидетельствами (оцениваемыми как достаточно достоверные) о династических браках ранних Рюриковичей (*Нуреев и Латов, 2017, с. 27, 49*). Думается, что Киевская Русь может рассматриваться как периферия Византийской империи, но не Западной Европы, которая сама в то время заметно отставала от Византии по уровню развития, по меньшей мере – экономического (*Мэддисон, 2007, с. 576; Van Zanden, 2009, p. 243, 271*). Что, по всей видимости, явилось одним из важнейших факторов институционального выбора князя Владимира в пользу византийского христианства. При этом следует иметь в виду, что надежность свидетельств, особенно в отношении отдаленных периодов, зачастую достаточно невысокая, что отмечается в рецензируемом издании (*Нуреев и Латов, 2017, с. 46*).

Значительное место в материале о поздней Российской империи совершенно логично занимает аграрный вопрос (*Нуреев и Латов, 2017, с. 81–92*), как и развитие капитализма в промышленности (*Нуреев и Латов, 2017, с. 92–97*). Слабее освещено развитие институтов сферы производства знаний (в первую очередь, развитие систем образования, профессиональной научной, культурной деятельности). Это выглядит несколько удивительным, учитывая то, что один из авторов посвятил данной проблематике отдельное компаративное историко-экономическое исследование (*Латова и Латов, 2015*).

Из приводимой в книге информации, касающейся работников интеллектуального труда, особенно интересны размышления авторов о связи особой социально-политической

²⁶ Помимо традиционно используемых в современной экономической литературе, предлагаются такие индикаторы, как количество министерств (народных комиссариатов) в СССР и вице-премьеров в правительстве РФ (*Нуреев и Латов, 2017, с. 134, 156*).

²⁷ Данная идея восходит к Д. Нортю (*Норт, 1997, с. 94*).

²⁸ О чем также говорится в рецензируемом произведении (*Нуреев и Латов, 2017, с. 190, 193, 243–244*).

роли российской интеллигенции конца XIX – начала XX вв. с развитием экономических и политических институтов страны (Нуреев и Латов, 2017, с. 103–106). Повышенная, по сравнению с другими социумами, роль интеллигенции в условиях российского типа модернизации отмечалась и в цитируемых авторами работах (Гершенкрон, 2015, с. 85; Пантин и др., 1986, с. 49–50). Здесь следует уточнить, что понятием «интеллигенция» в начале XX в. обозначалась гуманитарная социоцентричная часть интеллектуальных слоев, оппозиционно настроенная по отношению к традиционному российскому политическому или социальному порядку. Этот исторический тип возник в связи с освобождением дворянства от обязательной государственной службы (1762 г.), и в дальнейшем его развитие было связано с разложением сословного строя. Повышенная социальная активность в условиях модернизирующегося общества и нарастающая до начала XX в. оппозиционность по отношению к бюрократии сделали данный тип субъектом мифотворческого самосознания, устойчиво закрепившегося в социальной памяти его представителей. В условиях догоняющей модернизации литературно ориентированная субкультура стала приобретать системообразующее значение в интеллектуальном пространстве общества. Изначально автономный статус по отношению к властным структурам с течением времени переходил в отчужденность от них и институционализировался в различных неформальных и формальных объединениях: литературные общества, кружки, нелегальные организации профессиональных революционеров. (Диденко, 1998, с. 230).

Важнейшим фактором разбалансировки социальной системы стала Первая мировая война, которая справедливо оценивается авторами как «финальный экзамен» эффективности национальной экономической системы и, шире, опыта догоняющего развития в течение более двух столетий (Нуреев и Латов, 2017, с. 102–103). Она породила ситуацию острейшего кризиса на фоне деградации политической и идеологической элиты, что в конечном счете способствовало катастрофическому системному срыву, деструктивному характеру разрешения противоречий российской модернизации и последовавшей регенерации примитивных институтов вокруг базового (власти-собственности).

В книге с использованием работ зарубежных авторов (Ellman, 1989; Nove, 1992; Zaleski, 1980) подробно рассмотрены ключевые для функционирования централизованной экономики институты и практики планирования (Нуреев и Латов, 2017, с. 122–131).

Также много внимания в работе уделено военной экономике²⁹. Ставя вопрос о критериях конкурентоспособности советской экономики, авторы справедливо полагаются на общеизвестные интерпретации: победа СССР в Великой Отечественной войне, возможность в течение более 40 лет быть второй по значимости сверхдержавой мира. Они признают, что экономические системы, основанные на власти-собственности и внеэкономическом принуждении, тоже могут показывать высокие результаты, обращая при этом внимание на низкую эффективность советской централизованной экономики. В этой связи методологически ценным является разграничение ими понятий «результативность» и «эффективность» (Нуреев и Латов, 2017, с. 114, 117–118).

Помимо оценки результативности в бинарных категориях (1 или 0) следует иметь в виду, что конкретно-исторические критерии эффективности задаются приоритетами обществ на разных этапах их развития. Публично выраженная позиция советского руководства заключалась в том, что ключевым критерием эффективности отраслей экономики является скорость увеличения их количественных показателей. Действительно, для стран догоняющего развития фактор времени имеет принципиальное значение, поскольку отражает степень выполнения задачи сокращения отставания от стран-лидеров. С этой точки зрения, применение в СССР мобилизационных методов

²⁹ Авторы справедливо отмечают, что «военная мощь до XXI в. являлась одним из главных критериев конкурентоспособности национальных социально-экономических моделей» (Нуреев и Латов, 2017, с. 101).

управления экономикой обеспечило сравнительно высокие результаты в реализации социально и политически значимых целей³⁰.

В работе диалектически освещена проблематика теневых хозяйственных отношений и практик (Нуреев и Латов, 2017, с. 99–100, 111, 137–138, 163, 168, 177–178), то есть осуществляемых с нарушением правовых институциональных ограничений. Они рассматриваются в качестве неотъемлемого элемента реальной экономической системы, который оказывает как конструктивное, так и деструктивное воздействие на систему в целом; служит источником как ее развития, так и деградации. В этой связи книга содержит довольно ценные наблюдения и интерпретации в отношении институтов предпринимательства дискриминируемых меньшинств (в Российской империи это в первую очередь старообрядцы). Особенное внимание уделено объяснению факторов институциональной коррупции как закономерного элемента экономических систем позднесоветского и постсоветского периодов, за рамками традиционно используемой модели «принципал-агент» (Нуреев и Латов, 2017, с. 138–139, 190–197).

Следует отметить, что в прогнозной части работы значительное внимание уделено проблематике развития человеческого капитала России. Это особенно значимо в свете того, что в исследованиях Р. М. Нуреева ранее был предложен вариант анализа российского эмпирического материала на основе синтеза теории человеческого капитала и концепции человеческого развития (Нуреев, 2009, с. 346–397). В отношении перспектив институционального развития России авторами, с одной стороны, выражается надежда на движение к инновационной экономике; с другой – они осознают серьезные трудности для такой смены траекторий (Нуреев и Латов, 2017, с. 175–176, 216–249, 252). Насколько можно ожидать распространения в России практик «инновационного партнерства науки, бизнеса, образования и государства» (Нуреев и Латов, 2017, с. 248) в условиях «враждебной интенсивному росту институциональной среды» (Нуреев и Латов, 2017, с. 242–246)? Или ключ к развитию лежит преимущественно в каких-то других направлениях? По нашему мнению, многочисленные трудности (включая наличие сильной институциональной инерции), если рассматривать их совокупность в контексте типологических особенностей России как страны догоняющего развития, предполагает приоритетность задач догоняющей модернизации перед собственно инновационными (Диденко, 2011, с. 165–169).

Не отрицая необходимости радикального улучшения институциональной среды, снижения барьеров предпринимательской активности и борьбы с коррупцией, мы вынуждены признать недостаточность политического влияния заинтересованных в этом экономических субъектов. В то же время связь между экономическими институтами и ростом двусторонняя, и качественные институты во многом являются скорее результатом, нежели предпосылкой быстрого экономического роста (Полтерович, 2010, с. 78–79). Похоже, что с этим согласны и авторы книги, которые пишут о важности перехода от анклавной к системной модернизации, минимизации «стрессовых ситуаций», провоцирующих регенерацию командно-административных методов управления, и экономического подъема, стимулирующего рост среднего класса (Нуреев и Латов, 2017, с. 183).

* * *

Таким образом, новое произведение Р. М. Нуреева и Ю. В. Латова занимает особое место среди обобщающих работ по экономической истории России. В научно-популярной форме оно предлагает теоретическую интерпретацию процесса развития отечественной экономики, определяет на этой основе ее вероятные перспективы. Заявляя в качестве

³⁰ Данный вопрос рассматривался нами применительно к накоплению человеческого капитала в системе образования СССР в 1920–1930-х гг., отраслевая эффективность которой оценена как низкая по сравнению с другими странами (Диденко, 2012, с. 634–642).

основного институционального подхода к экономической истории, авторы используют его, осуществляя интеграцию во многом различных, но эпистемологически сочетаемых и эвристически ценных идей и концепций других направлений экономической теории и «больших теорий» общественного развития» (марксизм, цивилизационные теории, модернизационная парадигма и теории постиндустриального общества, мир-системный анализ).

Этот редкий по глубине хронологического покрытия и компактный по объему труд отличается очень высокой информационной насыщенностью. Позиционируясь как учебное пособие, издание также во многом заполняет разрыв между передовой границей общемировой историко-экономической науки и существующими в России учебниками и учебными курсами для экономистов. Его содержание не менее интересно для профессионалов, исследующих различные проблемы российской экономической истории. И именно поэтому видится целесообразным разделением рецензируемого произведения на научно-монографическую и учебную версии в случае его последующего переиздания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аджемоглу Д. и Робинсон Дж. А. (2015). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: Издательство АСТ.

Алексеева Е. В. (2007). Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). М.: РОССПЭН.

Ахиезер А., Клямкин И. и Яковенко И. (2013). История России: конец или новое начало? 3-е изд. М.: Новое издательство.

Белоусов Р. А. (1999, 2000, 2002, 2004, 2006). Экономическая история России: XX век: в 5 т. М.: ИздАТ.

Бердяев Н. А. (1990). Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука.

Бокарев Ю. П. (2007). Экономическая история и экономическая теория. Препринт научного доклада. М.: Институт экономики РАН. (http://sokolova.socionet.ru/files/Bokarev_doklad.pdf).

Бородкин Л. И. (2003). «Порядок из хаоса»: Концепции синергетики в методологии исторических исследований // *Новая и новейшая история*, № 2, с. 98–118.

Вишневский А. Г. (2010). Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. 2-е изд. М.: ГУ-ВШЭ.

Гершенкрон А. (2015). Экономическая отсталость в исторической перспективе. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.

Гловели Г. Д. (2014). Экономическая история: Учебник для бакалавров. Углубленный курс. М.: Юрайт.

Данилевский Н. Я. (1991). Россия и Европа. М.: Книга.

Диденко Д. В. (1998). Опыт исторической типологии российских интеллектуальных слоев // *Социально-политический журнал (Социально-гуманитарные знания)*, № 4, с. 226–233.

Диденко Д. (2011). Инновационное и догоняющее развитие: две стратегии модернизации российской интеллектуалоемкой экономики // *Экономическая политика*, № 1, с. 158–169.

Диденко Д. В. (2012). Экономическая эффективность догоняющей модернизации советской образовательной системы в межстрановом сопоставлении // *Экономическая история: Ежегодник. 2011/2012*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) / Отв. ред. Л. И. Бородкин, Ю. А. Петров, С. А. Саломатина, с. 618–650.

Дидерикс Г. А., Линдبلاد И. Т., Ноордам Д. И., Квиспель Г. К., де Фриз Б. М. А. и Фриз П. Г. Г. (1998). От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980 г. М.: РОССПЭН.

Дэвид П. (2006). Клийо и экономическая теория QWERTY // *Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса*. М.: ГУ-ВШЭ, с. 139–150.

Кирдина С. Г. (2014). Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. 3-е изд. СПб.: Нестор-История.

Ковнир В. Н. (2016). Экономическая история России: учебник для академического бакалавриата. В 2 ч. 2-е изд. М.: Юрайт.

Контопов М. В. (ред.) (2008). Экономическая история мира: в 6 т. М.: КНОРУС.

Кузнецова О. Д., Квасов А. С., Шапкин И. Н. и Пермякова Л. И. (2010). Экономическая история: учебник. М.: Юрайт.

Латова Н. В. и Латов Ю. В. (2010). Восточнославянские страны на ментальной карте мира по Г. Хофстеду // *Научные труды ДонНТУ. Серия: экономическая*, выпуск 38–1, с. 161–168.

Латова Н. В. и Латов Ю. В. (2015). Сколково как инновационный центр: общее и особенное (Историко-компаративистский подход) // *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*, т. 6, № 1, с. 37–45.

Миронов Б. Н. (2012). Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX в. 2-е изд. М.: Весь мир.

Миронов Б. Н. (2003). Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. 3-е изд.: в 2 т. СПб.: Дм. Буланин.

Мэддисон Э. (2012). Контуры мировой экономики в 1-2030 гг. Очерки по макроэкономической истории. М.: Издательство Института Гайдара.

Нефедов С. А. (2010). История России. Факторный анализ: в 2 т. М.: Издательский дом «Территория будущего».

Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала».

Нуреев Р. М. (2009). Россия: особенности институционального развития. М.: Норма.

Нуреев Р. М. (2015). Критика базовых предпосылок современных макроэкономических теорий // *Институциональная трансформация экономики: Российский вектор новой индустриализации. Материалы IV Международной научной конференции в 2 частях*. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, с. 12–23.

Нуреев Р. М. и Латов Ю. В. (2010). Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта.

Нуреев Р. М. и Латов Ю. В. (2014). Между «реальным социализмом» и «восточным деспотизмом»: лабиринты институционального экономического развития Советской России // *Мир России*, т. 23, № 3, с. 6–45.

Нуреев Р. М. и Латов Ю. В. (2017). Экономическая история России (опыт институционального анализа). М.: КНОРУС (Электронные приложения доступны на: www.book.ru).

Пайнс Р. (1993). Россия при старом режиме. М.: Независимая газета.

Пантин И. К., Плимак Е. Г. и Хорос В. Г. (1986). Революционная традиция в России, 1783–1883 гг. М.: Мысль.

Петров Ю. А. (отв. ред.) (2009). Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.). Энциклопедия в 2 т. М.: РОССПЭН.

Полтерович В. М. (ред.) (2010). Стратегия модернизации российской экономики. СПб.: Алетейя.

Тойнби А. Дж. (1991). Постигание истории. М.: Прогресс.

Фонотов А. Г. (2010). Россия: Инновации и развитие. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний.

Ханин Г. И. (2008, 2010, 2014). Экономическая история России в новейшее время: в 3 т. Новосибирск: Изд-во НГТУ.

- Huntington C.* (2003). Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ».
- Acemoglu D. and Johnson S.* (2005). Unbundling Institutions // *Journal of Political Economy*, vol. 113, no. 5, pp. 949–995.
- Baten J.* (ed.) (2016). *A History of the Global Economy: From 1500 to the Present*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Black C.* (ed.) (1975). *The Modernization of Japan and Russia: A Comparative Study*. N.Y.: The Free Press.
- Ellman M.* (1989). *Socialist Planning*. 2nd ed. New York: Cambridge University Press.
- Gregory P. R. and Stuart R. C.*, (2001). *Russian and Soviet Economic Performance and Structure*. 7th ed. Boston: Addison-Wesley.
- Hayami Y. and Godo Y.* (2005). *Development Economics: From the Poverty to the Wealth of Nations*. 3rd ed. New York: Oxford University Press.
- Kuznets S.* (1966). *Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread*. New Haven – London.
- Lieven D.* (ed.) (2006). *The Cambridge History of Russia. Volume II. Imperial Russia, 1689–1917*.
- Nove A.* (1992). *An Economic History of the USSR, 1917–1991*. 3rd ed. London: Penguin Books.
- Perrie M.* (ed.) (2006). *The Cambridge History of Russia. Volume I. From Early Rus' to 1689*.
- Spulber N.* (2003). *Russia's Economic Transitions: From Late Tsarism to the New Millennium*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Suny R. G.* (ed.) (2006). *The Cambridge History of Russia. Volume III. The Twentieth Century*.
- Van Zanden J. L.* (2009). *The Long Road to the Industrial Revolution: The European economy in a global perspective, 1000-1800*. Leiden: Brill.
- Zaleski E.* (1980). *Stalinist Planning for Economic Growth, 1933–1952*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press.

REFERENCES

- Acemoglu D. and Johnson S.* (2005). Unbundling Institutions. *Journal of Political Economy*, 113(5), 949–995.
- Acemoglu D. and Robinson J. A.* (2015). *Why Nations Fail. The origins of Power, Prosperity and Poverty*. Moscow: AST Publishers. (In Russian).
- Akhiezer A., Kliamkin I. and Yakovenko I.* (2013). *History of Russia: Finish or the New Start?* 3rd ed. Moscow: Novoe Izdatel'stvo. (In Russian).
- Alekseeva E. V.* (2007). Diffusion of the European innovations in Russia (18th – early 20th centuries). M.: ROSSPEN Publishers. (In Russian).
- Baten J.* (ed.) (2016). *A History of the Global Economy: From 1500 to the Present*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Belousov R. A.* (1999, 2000, 2002, 2004, 2006). *Economic History of Russia: The 20th century*. 5 vols. Moscow: IzdAT.
- Berdyayev N. A.* (1990). The origin of Russian communism. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Black C.* (ed.) (1975). *The Modernization of Japan and Russia: A Comparative Study*. N.Y.: The Free Press.
- Bokaryov Yu. P.* (2007). *Economic History and Economic Theory. Discussion Paper*. Moscow: Institute of Economics RAS. (http://sokolova.socionet.ru/files/Bokarev_doklad.pdf). (In Russian).
- Borodkin L. I.* (2003). “The Order of Chaos”: Concepts of Synergetics in the Methodology of Historical Studies. *Modern and Current History*, 2, 98–118. (In Russian).

- Danilevsky N. Ya.* (1991). *Russia and Europe*. Moscow: Kniga. (In Russian).
- David P. (2006). *Clio and the economics of QWERTY*. In: *Istoki: Some experience of studying economy as a structure and a process*. Moscow. Publ. House of HSE, 139–150. (In Russian).
- Didenko D. V.* (1998). An inquiry into historical types of the Russian intellectual strata. *Sotsial'no-politicheskii zhurnal (Sotsial'no-gumanitarnye znaniia)*, 4, 226–233.
- Didenko D.* (2011). Innovation and catch-up development: two modernization strategies for the Russian knowledge-intensive economy. *Ekonomicheskaya Politika*, 1, 158–169. (In Russian).
- Didenko D. V.* (2012). Economic efficiency of catching-up modernization of the Soviet education system in inter-country comparative context. In: L. I. Borodkin, Yu. A. Petrov, S. A. Salomatina (eds.). *Economic History: Yearbook. 2011/2012*. Moscow: ROSSPEN Publishers, 618–650. (In Russian).
- Diederiks H. A., Lindblad I. T., Noordam D. J., Quispel G. C., de Vries B. M. A. and Vries P. H. H.* (1998). *From rural society to the welfare state. Modernization of the Western Europe since 15th century to 1980*. Moscow: ROSSPEN Publishers. (In Russian).
- Ellman M.* (1989). *Socialist Planning*. 2nd ed. New York: Cambridge University Press.
- Fonotov A. G.* (2010). *Russia: Innovations and development*. 2nd ed. Moscow: BINOM. (In Russian).
- Gerschenkron A.* (2015). *Economic Backwardness in Historical Perspective*. Moscow: Delo Publishing House of the RANEP. (In Russian).
- Gloveli G. D.* (2014). *Economic History: Textbook for B.A. Students. Advanced Course*. Moscow: Urait Publishing House. (In Russian).
- Gregory P. R. and Stuart R. C.* (2001). *Russian and Soviet Economic Performance and Structure*. 7th ed. Boston: Addison–Wesley.
- Hayami Y. and Godo Y.* (2005). *Development Economics: From the Poverty to the Wealth of Nations*. 3rd ed. New York: Oxford University Press.
- Huntington S.* (2003). *The Clash of Civilizations*. Moscow: AST Publishing. (In Russian).
- Khanin G. I.* (2008, 2010, 2014). *Economic history of Russia in modern time: in 3 vols.* Novosibirsk: NGTU. (In Russian).
- Kirdina S. G.* (2014). *Institutional Matrices and Development in Russia: An Introduction to X&Y theory*. 3rd ed. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Konotopov M. V.* (ed.) (2008). *Global Economic History*. 6 vols. Moscow: KNORUS.
- Kovnir V. N.* (2016). *Economic History of Russia: Textbook for B.A. Students*. 2 vols. 2nd ed. Moscow: Urait Publishing House. (In Russian).
- Kuznets S.* (1966). *Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread*. New Haven; London: Yale University Press.
- Kuznetsova O. D., Kvasov A. S., Shapkin I. N. and Permiakova L. I.* (2010). *Economic History: Textbook*. Urite Publishing House.
- Latova N. V. and Latov Yu. V.* (2010). East Slavic country on the mental map of the world on G. Hofstede. *Scientific Studies of Donetsk National Technical University. Economic Series*, 38-1, 161–168. (In Russian).
- Latova N. V. and Latov Yu. V.* (2015). Skolkovo as an Innovation Center: General and Special (Historical Comparative Approach). *Journal of Economic Regulation*, 6(6), 37–45.
- Lieven D.* (ed.) (2006). *The Cambridge History of Russia. Volume II. Imperial Russia, 1689–1917*.
- Maddison A.* (2012). *Contours of the World Economy, 1-2030 AD. Essays in Macro-Economic History*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. (In Russian).
- Mironov B. N.* (2012). *Well-being of the Population and Revolutions in Imperial Russia: The 18th – early 20th Centuries*. 2nd ed. Moscow: Ves' Mir.
- Mironov B. N.* (2003). *Social History of Russia in the Imperial Period: The 18th – early 20th Centuries: Genesis of Individual, Democratic Family, Civil Society and Lawful State*. 2 vols. 3rd ed. Saint-Petersburg: Dm. Bulanin.

Nefedov S. A. (2012). *History of Russia. Factor Analysis*. 2 vols. Moscow: Territoria budushchego Publishing House.

North D. (1997). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Moscow: "Nachala" Foundation for Economic Books Publishing. (In Russian).

Nove A. (1992). *An Economic History of the USSR, 1917–1991*. 3rd ed. London: Penguin Books.

Nureev R. M. (2009). *Russia: Special features of institutional development*. Moscow: Norma. (In Russian).

Nureev R. M. (2015). *The Critics of Basic Assumptions of Modern Macroeconomics*. In: *Institutional transformation of the economy: Russian vector towards the new industrialization. Proceedings of the IV International academic conference in 2 parts*. Omsk: Fyodor Dostoevsky State University, http://elibrary.ru/publisher_books.asp?publishid=1080 12–23. (In Russian).

Nureev R. M. and Latov Yu. V. (2010). *Russia and Europe: Effect of the Path Dependence (A study in institutional analysis of the history of economic development)*. Kaliningrad: Immanuel Kant Russian State University Publishing House. (In Russian).

Nureev R. M. and Latov Yu. V. (2014). *Between 'Real Socialism' and 'Oriental Despotism': the Labyrinths of Institutional Economic Development in Soviet Russia*. *Universe of Russia*, 23(3), 6–45. (In Russian).

Nureev R. M. and Latov Yu. V. (2017). *Economic history of Russia (Studies in institutional analysis)*. M.: KNORUS. (Electronic attachments are accessed at: www.book.ru) (In Russian).

Pantin I. K., Plimak E. G. and Khoros V. G. (1986). *Revolutionary tradition in Russia, 1783–1883 rr*. Moscow: Mysl'. (In Russian).

Perrie M. (ed.) (2006). *The Cambridge History of Russia. Volume I. From Early Rus' to 1689*.

Petrov Yu. A. (ed.) (2009). *The Economic History of Russia from Ancient Times to 1917. The Encyclopedia in 2 vols*. Moscow: ROSSPEN Publishers. (In Russian).

Pipes R. (1993). *Russia under the Old Regime*. Moscow: Nezavisimaya Gazeta. (In Russian).

Polterovich V. M. (ed.) (2010). *Strategy for the modernization of the Russian economy*. Saint-Petersburg: Aletheia.

Spulber N. (2003). *Russia's Economic Transitions: From Late Tsarism to the New Millennium*. Cambridge: Cambridge University Press.

Suny R.G. (ed.) (2006). *The Cambridge History of Russia. Volume III. The Twentieth Century*.

Toynbee A. J. (1991). *A Study of History*. Moscow: Progress. (In Russian).

Van Zanden J. L. (2009). *The Long Road to the Industrial Revolution: The European economy in a global perspective, 1000–1800*. Leiden: Brill.

Vishnevsky A. G. (2010). *Sickle and Ruble: Conservative Modernization in the USSR*. 2nd ed. Moscow: Publ. House of HSE. (In Russian).

Zaleski E. (1980). *Stalinist Planning for Economic Growth, 1933–1952*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press.